

16+

Игорь Крончуков
Чужие слезы на родном письме
том 1

Игорь Николаевич Крончуков

Чужие слезы на родном письме. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48417879

SelfPub; 2019

Аннотация

Блатная романтика. Олицетворение мира, присутствующего рядом с нами. Кружащимся, преследуемым. Отражение в зеркалах лиц героев. Смятение и порождение себя нового. Не уйти от себя, не скрыться.

Чужие слезы на родном письме.

(история всех времен)

Вступление

Жизнь – она ползет, словно человек «никакой»,
А порой стремится безудержной стрелой.

У кого как она пролегает. Среди минуты,
Независимо, умны вы или глупы.

Мысль о времени: от начала до конца,
Преследует нас всегда, как никогда...

Быть может, кто-то об этом намекнет,
Или сам же человек до этого дойдет.

От жизни до последнего слова, где «Аллилуйя»,
Кто живет, а кто существует.

Жизнь плодит людей: друзей, приятелей,
Врагов народа, да предателей.

Где с появлением разумного общества всех масс
Появились семьи, родовой класс.

Где дружба и верность – это «понятие»,
Где честность и справедливость в объятиях...

Кому какой кусок – это факт.
Кому свет, а кому мрак.

1

Что же делает с человеком время?

Отчего один впадает в «тоскующее бремя»,
А другой от какой такой в горле кости
Задыхается от злости.

Вполне ясны таковы в жизни «сласти»,
Мечь и то великое счастье.

И, видимо, от таких факторов в небытие
Человек держит все это в себе.

Держал в себе и барин Истов.

Держал в душе любовь, мистер.

Пил чай со старым «дружищем»,

Играл в карты, играл в «тыщу».

Истов тяжело все вздыхал,

Друга своего ненавистным взглядом озирал.

А тот, вроде как, и замечал, и не замечал,

Смотрел в карты, молчал.

Друг его, Строганов, на давеча женился,

Знал ведь, что тот влюбился...

А знал не от признания, дружеского отчаяния, слов,

Из сплетен и других там оков.

Истов начал задавать вопрос:

– Как у вас с женошкой? Дали в кросс.

После знакомства двух тому недель.

– Что уж, говорить то теперь. -

Интеллигентно как всегда заявив,

«Похлюпав» чаю, отпив.

– Как это что говорить? Как понять?

Неужели жалеешь или солгать?

– Ни в коем случае. Суть она в том:

Если бы жалел – речь только сон.

Жалей ты, хоть не жалей.

Я женился. Вот и весь сказ, Андрей.

– Счастья вам, счастья. Лишь мой стон... -

В полголоса закончил фразу. С презрением он.

А тот будь-то не слышал.

И было бы ему это лишне,

Его слова на этот счет только бы невзгоды.

– Как хороша весенняя погода!

– Хороша, хороша. Едет крыша не спеша.

– Андрей, мы о чем рассуждаем?

– Тебя я все не понимаю,

Две недели и уже брак!

Как бы истинным значением слова не поразил этот факт.

Вот, например: если я бы в нее влюбился...

Сам бы и то не женился,

А тут поглядите – женится он.

Ведь я с ней больше знаком.-

А он того как-то по полслова слушал,

Как тот изливал ему душу.

– Да и я «Горько» не крикнул ни разу,

Не выпил за вас, не подарил вазу.-

В день их свадьбы Истов был пьян,

С самого утра ждал ресторан.
Грел пьяное тело апрель,
К вечеру ждал его бордель.
И тушил, от развратных девиц
Сотен душевных единиц.
К трем ночи в одиночестве. Грезы,
Ждали его слезы.
Он помнит еще один случай,
Не придумаешь его и лучше.
С неделю назад гулял в саду,
Проветривая любовную мглу.
Встретив их... вдруг солнце покрылось тьмой.
Как его друг прижимался к той,

Которая наволокла страсть,
От которой в омут желаний упасть.
Он бежал скорей, схвативший удар,
Бежал он скорей в бар.
Там Растропыгин, пьяница еще та,
Ждет его там всегда.
Он споет ему про моряков,
За жизнь из бытовых оков,
Споет про русалку на заливе морском,
Откроет Толстого пятый том,
Он допоет, чего писатель не допел,
Он допоет, дабы еще бы сумел.

И вот Истов ненавистным взглядом ел друга.
Было за что, значит, озирал раз покуда.
Еще более на друга озирал,
Когда в карты эти проиграл.
А как вначале восхвалял эту игру:
– Ну, давай, хоть «партейку» одну.
А теперь: О, небесная манна!
– Вот игра! Игра поганая.
Кто придумал игры, чей каприз.-
Унывал Истов как-то на бис.

***

2
Она шла по аллее, шаг за шагом.
Тишина в душе, одни утраты,
Да печаль одна в ее глазах.
Она шла на своих каблучках.
Цок. Цок. Перешагивая через лужи.
Увидела вдалеке подружек.
Шла после лица дома. Эх, весна.
Хорошо-то все хорошо, да в душе пустота.
Ведь уже двадцать первую весну встречает,
О ком-то думает, о ком-то скучает.
Да вопрос: о ком только, о ком?
Ведь любовь покоится сном.
Встречала она на своем пути,

Но ту теплоту так и не смогла найти.
Распушенные волосы ласкал теплый ветер,
Мысли полны о будущем лете.
Медицинский факультет – предпоследний курс.
Она умна, по экзаменам – туз.
По площади она теперь идет,
Скопление народа, рядом бредет.
И в пару минут все разбрелись.
Взгляд ее вдаль, весною дивисьь.
Неподалеку парнишка стоял,
А как одет – просто идеал:
Брючки, ботинки, перчатки, куртка из кожи,
Со вкусом одет. Лицо на актера похоже.
Ее взгляд пал на него, его удивив.
При виде ее снял он очки.
Она идет, а он ее смущает.
Пристально в глаза – взглядом озирает.
Улыбка вдруг у незнакомца появилась,
Сердечко ее, вдруг, заколотилось.
А она прячет глаза, улыбается,
То подымет, то нет. Стесняется.
Подходя только к нему,
– Эта весна вам к лицу!
– Что вы говорите, – и опять стесняться.
– Можно с вами, мадам, прогуляться?
Ведь перед вашей красотой не устоять.

Не в силах при виде вас себя удержать. -

«Эдакий» – подумала она: «Ромео!»

– Меня, кстати, зовут Жанео.

– Какая у вас имя, вы француз?

– Псевдоним, я «русс».

– Меня зовут Анна. Очень приятно, -

Протянув ручку, нежное рукопожатие.

Задумчивых слов, поворкуй.

Подарил он ручке поцелуй.

Идут они вместе, а он будто глаза прячет,

В темных очках, глаз увидеть – вот незадача.

– Вы говорите так странно...

– Каждый человек особенный, Анна.

– Я, таких как вы, не встречала, – слегка прибавив тон.

– О! Да вы, мадам, «шармон»!

– Почему? Что-то не так сказала я?

– Нет. Это не из слов исходя.

Вот мы вместе идем. Я вас взглядом озираю,

За вами, мадам, наблюдаю.

– Вы так говорите... Это ваш лексикон?

– Мадам, «пардон»,-

Через минуты две или три

Она уже держит в руках цветы.

Цветы держала она у лица,

Блестели на солнце голубые глаза.

И шли они и смеялись. Так хорошо!

Весна, к тому же, предавала тепло.
Он проводил до подъезда ее.
Договорились на завтра повторить это все.
Он будет ждать ее там, где стоял.
Она будет идти с лица, а он чтобы встречал.
Сказал он ей, будто опередив ее.
Придя домой, откроет шире окно.
Они шли, романтика мыслей,
Столько наводящих смыслов.
И настроение ее будет петь и танцевать,
Она будет с улыбкой шагать,
Ведь запал ей в душу звездочет.
Ей ведь опыт да учет,
И в мысли влез, но бороться с ними,
Потому как экзамены, и по силу
Ей их сдать, какова суть:
Иным теперь станет ее путь.
Казалось бы все. Совет да любовь.
И сколько не говори ты слов
Все хорошо, но есть один быт.
Этот парнишка – бандит.

***

3

И вот она встреча, затем другая.
Поцелуи, голые тела. Предвестники этого мая.
Он дарил ей не золота, не серебра,

Дарил ей красивые слова.

Она видела в нем не простого человека,

И, спросив, как он живет, поискав ответа...

– Моя жизнь – это ветер в поле,

Душа мчит в широком раздолье...

Да! Моя жизнь: с ветки на ветку.

Только с господом я метко.

Это жизнь, а не просто «тусовочка».

– А это что за «наколочка»?

– Виноват, значит, должен ответить.

И этим слыл мой ветер.

– А эта нарисованная мадам,

Изображена первая любовь там?

– Я любил, да любил.

И жизнь свою, когда то не щадил.

Но, иначе, выходов других нет,

Другого не знал написать поэт.

– Ты самый настоящий писатель.

– Ты моя муза! Творчеству я лишь приятель.

– Не желаешь ли ты в редакцию?

Излагать там свою мотивацию.

– Все, что думаю, то и говорю -

Это все, одной тебе лишь дарю.

– Ведь ты мог поиметь славу,

Порадовать там папу, маму.

– Ха-ха! Ты у меня лишь одна.

Мне моей славы хватает у тебя.

– А какая у тебя профессия, каков твой задор?

– Я души и тела твоего – вор.

Если бы кто нам запретил,

Я без спроса бы женил.

– У тебя же скоро день рождения,

Чего бы ты хотел, какие увлечения?

– Лишь тобою дышать, пусть слишком,

Не нужны мне от тебя коврижки,-

Встреча за встречей. Они все там же были.

Обнимались, смеялись, шутили.

А встреч – две недели, уже три,

Все стоит он: конфеты, цветы.

Все тот же образ – черного принца,

Чей взор теперь ей снится.

Ведь он пунктуален был. Кричал ей: «Шармон!»

Но, однажды, на встречу... не пришел.

Та стоит, понять ничего не может.

Душу ей так гложет, так гложет...

И час идет, и солнце уж не светит,

И дует холодный, северный ветер.

И нет его, а он кажется ей кругом.

И мысли лезут: «В измене он».

И сама на измене уж стоит,

В плане этих взглядов себе мнит.

И голову склонив вниз, себе представляет:
Как позади ее Жанео догоняет.

***

4

Истов смотрел дела, взгляд его суровый.
Как ни как, Истов – участковый.
Устал он. Пятница как ни как.
Мысль о работе – только впросак.
Да и мысль о возлюбленной его,
О даме из знатной семьи Сачко.
Столько дел, столько дел. Все на кого-то «заява».
Там следствие, а там расправа.
Постучал Ушаков. Да сильней же стучите.
– Да войдите уже, войдите.
– Здравия желаю! Поймали вора.
– Вот так пятница. Да в эту пору.
И кто такой? Что за птичка прилетела?
– Не поверите! Преступник по кличке Жанео!
– Что вы говорите? Что вы говорите.
Ну, давайте. Сюда приведите, -

В браслетах руки, глаза вниз,
Не споет он вновь, не споет на «бис»
Студентке с мед. Факультета,
Не споет он завтра до обеда.
Ведь разлука – она вещь такая...

А за что его? То история другая.
Раз взяли, значит, есть грешок,
Где прокурор измерит вершок.
После допроса вора увели.
Зашел Ушаков: – Имеем-с мы!
Через человека одного он хотел
Записочку передать, не сумел.
– Что за записка? В чем нюанс?
– За любовь разложил он пасьянс.
Стихами пел. Стихами писал.
Экий писатель. Но бандит! Украл, -
Ушаков покинул Истова.
Ему то что? Казалось бы, чужая истина,
А он читал, что тот пел,
При виде строк уж и бледнел.
«Моя муза! Голубых очей!
Как жаль, что не встречать нам аллея.
Я знаю, ты тогда меня ждала.
Я бы смог! Но болит душа,
Что в разлуке долгой быть,
Вертухай будет нам, препятствия чинить.
Ты шептала: «Сокол, орел!», но нет идей...
Моя тайна в том: я вор! Я воробей.
Глаза в глаза мне проще сказать,
чем «ручечкой» черкать...
Я тебе говорил: «Если виновен! Отвечу.

Галочкой миг жизни помечу».
Меня надолго. Ты меня не жди.
Когда еще вернемся мы!?
Тайга. Решки. Да заборы.
Лишь в память мне твои узоры.
Быть может, встретимся... Это я ищу...
Ведь по-настоящему тебя люблю...»
Истов, прочитав это, заныл.
Ведь и он в тот миг безумно любил.
Чужие слезы на родном письме
Оставят капли засохшей соли на строке.
Истов думал: «Кто я такой, ведь не мне судьбу решать.
Профессия! «Масть» такая! И чего тут рассуждать».
Он перечитывал несколько раз послание.
Что-то изнутри давило на его сознание.
Отпив глоток с рюмки коньячку,
Предназначенный «черному дню».
Так вот оно! Тот самый «черный день».
Свет отбросив цвет, оставив тень.
Позвав Ушакова по предназначению:
– Отдать записку! По назначению, -
И дума мучила, тяжело было.
Сопротивляться не было у него силы.
Всю ночь не спал. Не мог уснуть.
Что же делать, каков тут путь.
Прежде чем уснуть, телефонный звонок.

Уже утром, еле собрав в себе толк:

– Да. Слушаю... Она? Пришла?

Разреши... Коль проститься пора. -

Напился человек закона, порядка.

Напился. И уснул без оглядки.

5

Анна в тот вечер в окошечко смотрела,

Об утратах встречи жалела.

Вдруг в дверь кто-то постучал.

Анна опомнилась: – Вот же нахал!-

Не детская улыбка в тот миг,

Он же пришел! Открыв дверь, но взор поник.

– Вот записка, вам велено передать.-

Ушаков в «гражданском», только отдать,

И поскакал скорее вон,

Она, закрыв дверь, начала читать, и стон...

– Моя муза... Очей... Аллей... Закрывать... -

Анна пала на кресло, начала ныть.

Закрыв рот ладошкой: – За что? -

Дочитав до конца. Слезы, слезы. Всё.

Мысли путались. Не разберешь.

Она бежала к нему. Лил дождь.

По лужам, кругом кичится народ,

Не видывал столькох забот.

Куда бежала? Куда уж от усталости бредет?

Что сказать: кто ищет, тот всегда найдет.

И кричала она Ушакову без слов «Войдите!»:

– Пустите! К нему вы пустите!

– Я не имею права! – в ответ.

– Какое право? Суда на вас нет!

А какое вы имеете право лишать

Тех слов на прощание сказать.

Ведь увезут. Этапом увезут.

Что мне делать? Без него теперь тут.

– Не имею права. Выйдите вон.

– Уж найдите управу! – прибавив тон.

– Хорошо! Ладно... Уговорили.

– Это вы так пошутили?

– Сейчас позвоню. Сядьте. Успокойтесь, вот,

Выпейте стакан воды, – молвит тот.

– Какой стакан воды?

Пустите же меня к нему вы!-

Тот набирал номер телефона,

И начал говорить – медленно, сонно:

– Андрей Михайлович? «Привет» от письма.

Да, сегодняшнее. Пришла.

Да, просит к Жанео... Как, можно?

Так ведь... Осторожно?

Так ведь надо предупредить...

Разрешение, дабы разрешить...-

Не договорил, по всей видимости, Ушаков,
Что-то пробормотал из-под своих усов.
Как нашла она Жанео? Воплотив идею,
В этот ли день, не в этот, значения не имеет.
И в душе что-то бродит...
Вот он в браслетах, в комнату входит.
«Откуда он взялся, этот принц!
Ведь видела на своем веку, столько лиц!» -
Говорила она подругам и сокурсницам своим.
Кем уже был он так любим.
С её слов: «Он и есть, моя звезда!
Все у него ни как у всех. Это да!
Но по душонке, по душонке моей,
Мой Жанео, кумир среди остальных людей».
Но знала бы она тогда,
Что полюбила молодого вора.
Если бы знала, что он что ни на есть бандит,
Другим бы словом звучал её «хит».
И вот, при виде его опущенных глаз,
Не находит она никаких фраз.
Обнимает, целует. Любви – пламень.
А он, как статуя, стоит, как камень.
– Прости Анна, – молвит он.
– Ты чего? А как же «ля мур» и «шармон»?
– Если б не любил бы тебя, сказал бы однажды:
« Шармон есть чуть не в каждой...»

Но лишь ты для меня, настоящих оков... -
И более не находит слов
Целует теперь, ее обнимает, из тех снов
В другие себя вырывает.
Ведь скоро разлука на долгое время.
Дождь. Снег. Вновь и вновь. И бремя...
Ведь не только он сядет в тюрьму -
Душою и она сядет к нему.
И он верит и не верит себе: «Я вернусь!».
И ей так же: «Милый, дождусь! Я дождусь!»
Две судьбы, когда-то течению одному,
Да только ли этому дню?
Две судьбы – как романтичны те дни...
Ведь как разным ликом эти миры.
Она то шепчет, то молчит,
Никто не слышит о том, как вертухай кричит.
Но время не пластилин. Не перешагнуть.
А в мыслях одно, что давит на грудь...
Они оба ведь страдают.
Вот ведь как в жизни бывает.
В новой жизни, как правило, о старой забыли...
Надолго в памяти у нее как его выводили.
Объятие порвав законным интересом,
И молвит: «Еще пять минут!». Бесполезно.
Она далее, не смогла ни есть, ни пить.
Смириться осталось и дальше жить.

***

6

Истов смотрел на Жанео из-под бровей,
С допросом переполненных идей.

А у самого ком в горле, тяжек очень,
Бессонница на глазах от прошлой ночи.

– Ну что, Жанео, ты же попался,
И тебе ль не внять, что ты надолго потерялся.

Стоит, все как есть рассказать. -
А тот молчит, громким вздохом на бис.

И слов не скажет. Глаза вниз,
Мол, молчит, будет молчать, как и молчал.

Тут Истов подхватил, начал:

– Ведь это и в твоих интересах,

А расколешься ты если,

Ведь тебе сбавят срок!

– Я говорил это, видит бог.

И не однократно. И вновь, и вновь.

– Ведь тебя за периметром ждет любовь.

– Ты же мент. Не тебе говорить мне о любви.

Знай только себе пиши.

Годок, еще пару годков.

А я отсижу срок. И был таков.

– Постой! Слова твои пусты.

И мне, не говорить о любви?

– Да какая тебе разница? Оно так!

Да, признаю. Да, виноват.

Ты! Кем бы ни был, ведь и мать была.

Любовь все равно дала.

Но любовь твоя к погонам, другому искусству.

– Стало быть, о той любви мне гнушно?

Никого никогда я не любил? -

Не туда понесло, не то говорил.

– Оспорить!?! Вам вопросы задавать,

Но! Тебе, меня не понять!-

Истов осмотрелся вокруг,

Нет ли за дверью кого тут.

– Я знаю, что такое любовь.

И ты не прав. Моя жизнь не пустяк...

– Неужели, звезду на погон да пятак

Для кокарды теперь пустяк?

– Я человек! Ты что, считаешь,

Если на мне закон, всё людское теряешь?

– Виноват. И за поступки я отвечаю.

Виноват. Осознаю. Понимаю.

Но не тебе мне петь о любви,

Не тебе мне шептать о любви.

– Да, теперь я, значит, виноват, он любит...

А моя «душонка», дескать, все это погубит!?

Профессия! Виновных в тюрьму!

– С профессией и душа во тьму.

– Так давайте избавим этот мир

От профессии этой и закатим пир!
– Пойми, центурион! Это жизнь моя!
Убеждениями и принципами она.
Не сложились когда-то дороги мои...
И не жить мне здесь, если шаги не таковы.
Да кто ты, чтобы изливал свою душу.
– Жанео, да ты меня послушай!
Чёрт побери, так ведь и я люблю!
Ведь и я желанием тем «мру».
И как мне тебя не понять!?! -
В исповедях увидел, что некому даже и рассказать:
– Ведь моя душа не на месте тоже.
Душа моя не в своей тарелке, ложе.
И ты думаешь разлука и ее веление
Специально? Назло? Что наслаждение!?
Зря, ты говоришь с подхалимом.
Ведь и я преодолеваю поединок.
Не до вас мне, понимаешь? Не до вас!
Уже который слагает час.
Душа, как полотенце сырое
На тоненьком суку, оно скроет,
Что не обломить его, никак!
Какая к черту кокарда да пятак... -
Он дальше говорил, а Жанео млея,
Такое услышать он просто бы не сумел,
А тут тот, кто в слове – един,

Распинался перед ним.

Открыл ли очи, или не открыл -

Тот все о любви говорил.

Вор слушал его, а тот закончил словами:

– А все одним! Казенными дарами.

– Ну да. Любовь, что у вора,

Ту любовь, что не любовь, так «Здорова!».

К чему, эти речи, и без того боль в груди.

Пиши, «начальничек», пиши, -

Вор знал, что попался. Но как крепко?

Насколько обломана та ветка...

От его рассказов не найти взятку,

Лет так на десятку.

А здесь года за два.

Да все о другом его дума была.

Истов с дрожащей рукой черкал.

Новое приобрел, новое осознал:

Раньше так себе, срок так срок.

Разница!?! Зрелый или «салажок».

А ныне душа в душу, пишет,

Будто на зло, в приговоре – ниша.

И в мыслях ему это обладать:

«Ну, не могу я это писать!».

Вдруг, Истов остановил Жанео в миг,

новым помыслом он поник.

Такое не придумаешь и не «дознать»!

– А ты ради неё смог бы завязать?

***

7

Лоли де Марго, а, в общем-то, Лолита,
На лавочке сидя, смотря на «Элиту» -
Это ресторан, где сидела с ним вдвоем.
Говорили о том, говорили о сём.
Закуривая уже вторую, книжку в руках держа,
Затягиваясь медленно, не спеша.
Ведь она замужем, но сердце украл.
Муж ей за эти годы лишь паспорт дал.
В ресторане что было, помнит она:
Конфет и два бокала вина.
За встречу пили они, за встречу,
Но не водкою, да на хлеб лечо.
«Элита» – ресторан для мадам и мсье!
Ресторан, олигарх в нем в себе.
Лишь только в этом ресторане
При нем она не бросалась словами.
Она знает его, казалось, так давно
Но, почему же, сейчас открылось окно...
Ведь муж, семья... Кто же не знает...
А как вы думаете, кто ее муж? Она скрывает.
Не найдет она этих слов.
Ее муж – тот самый Ушаков.
И сказать в ресторане не смея,

Ведь с нею был в фигуре Жанео.
Они вместе не встречали рассвет,
Пусть и знакомы уже много лет.
Она и подумать не могла когда-то,
А ныне, какие утраты...
И муж не знал, что она
Вместе с Жанео была.
А Жанео про все это знал,
Он потом право решит, кто настучал!
И суть всего этого не коврижки и лиры,
Лолита – гроза уголовного мира.
Неподалеку по аллее Строганов шел,
Под ручку Анастасию он вел.
Нет, не любовницу, отнюдь.
Это та! Из-за которой Истов глаз не может сомкнуть...
Она слушала, как он пел анекдот,
Та смеялась, прикрывая рот,
Что не умерла со скуки.
– Уронили водку на пол, оторвали Мишке руки!
– Это же надо – муж жене стишки,
Ей богу, будто любовники да грешки.
– Ведь мы знакомству сия двадцать два дня,
От «удельных масс» и сорвиголова!
– То право, то право! -
Аплодисменты, да браво.
Брак. Но брак-то ведь здесь по расчету.

Неудачей Истову было по счету.
В пролете Истов. Пока ведь не знает,
Что тайна эта его ожидает.
Парочка прошла мимо Лолиты,
Поздоровались уважаемые у «Элиты».
Дамы переглянулись, впрочем, как и всегда.
Вокруг их пела весна...
Солнцепек после белых зим,
Набирай же подснежников, вынимай из корзины,
Да дари романтику лету.
Да кричи: «А зимы то уж нету!».
И танцует детвора, поёт.
Солнышко – жар свой придает.
И нагретая на солнце воровка Лоли
В поисках была, в «мозговых штурмах» умы.

Она знала действий план,
Чем будет путь ей дан.
Лишь отвлекла ее та парочка, опечалено глянув в след.
– Тем ли сулит браку «хэппи энд»?!
Уж если жениться, так жениться.
По расчету? Куда уж это годится... -
В полголоса шептала, но вдруг взгляд поник...
– И легавый Истов, – оборвала себя резко в миг.
– Здравствуйте. А вы чего тут сидите?
«Какой любопытный, вы только поглядите»,

– Да вот солнцепек, отдыхаю!

– Весна, весна! Так полагаю...-

Но закончил его песнь весенний рояль,

Вглядываясь куда-то вдаль.

– Ах, вы смотрите-то куда?!

Вы же со Строгановым друзья.

– Вот парочка, голубки воркуют.

– «Да, крапленой «тусуют»,

Ага, парочка. Себе ли врите?

Сами разве не знаете, что брак по расчету?-

Позже, Истов закричит на друга:

– Врать-то не предстало, покуда?

– Покуда. Ну не сказал. Прости.

И на свадьбе не был же ты.

– Разве ты не знал? Что я!

Лю... Лю... В общем, ерунда.-

А пока Истов все в даль смотреть продолжал,

Скрылись уж за горизонтом. А душою дрожал.

Лолита что-то скажет, а тот молчит как окаянный.

Обидевшись: «Вот же фараон нахальный»,

Так и ушла, не дождавшись, по делам.

Истов так и остался стоять там.

Она шла по аллеям, вековые утесы стоят,

Через дворы шла, где городской «общак».

Её муж являлся по идее, по жизни

Изгоем в ее мире, лишним.

Но она «упивала» с этого медовый сок,
Держа в руках свой впрок.
Крепко стоя на своих ногах,
Ей не дано понять тот страх.
С уважением предлагали ей «фраера»
Приписать к жуликам «мента»,
Но её авторитет на огромные нули
С доносом вора свои дела рулит.
Но зачем-то занималась квартирами
Богатыми. Без сомнения, с рэкетирами
Брала квартиры, и плевать,
Как легко все можно потерять.

***

8

– Начальничек! Как ты тут не вздыхай,
Я вор. А ты, одно что же – «вертухай».

Братья мои сулят «Бог создал вора, а черт прокурора»,
смеясь,

Не боясь. Велика ли ваша власть?

Я помню, когда впервые взяли,

Но видимо не дознали...

Вопрос, какой грешок? Какой грешок?

А я смотрю, не размерен вершок.

Смеюсь. Чего это я вам буду говорить!?

Раз взяли. Значит, знаете за что! Чего шутить.

Сказали, как взяли? Я ли соглашусь?

Потому как виновен, во лжи не заблужусь.

Не буду ведь я вам сочинять

То, за что вы, вдруг, решили меня взять.

– Ты! Понимаешь, что разлука

Вечная ждет тебя с ней.

– Начальник, ты «кичишься»? – думает: «Сука,

Расколоть хочет, поди, сей...»

– Ведь надолго! Время – долгое.

– Душа моя – изранена, слезами не мокрая.

– Так и не рань ее, воробей!

Не рой яму себе, воду не лей!

Не жалко тебе свои годы?

– Вот ведь где они, «мусорские» природы!?

Все на мне срок висит,

Все пойман рецидивист.

От слова больше льстит.

Нежели от эха свист.

– «Не крылат», ты «не крылат».

«Шленка», «шконка», землю копать, -

Истов то с ненавистного взора,

То с жалостью, те еще основы.

Отпил воды, встал спиной.

– Я знаю, Жанео, кто ты такой!

А она-то кто, что так упорно

Била участковому то в грудь?

– Все комиссар, довольно!

Ты давай пиши. Да я в далекий путь,-

Что же повлекло на сознание,

Когда произошло молчание.

Рухнула та стенка...

– Моя мадам – она студентка.

И мир не знал красивее дам.

Ведь за нее я бы и свободу отдал.

Мы же, все одним: «С ветки и на ветку»,

В цель так в цель. Пусть и не метко.

Сколько певцов слагали свои песни.

Спел бы и я, петь мог если...

Да я и не соловей. Вор, воробей.

Если дела? То дума о ней.

Интересы ее: лабораторные работы.

Приобрела она новые заботы.

А тебе чего? Ну, да. Ты доказывал, тебе знать,

Твое дело мне срок дать...

Не маши руками. Да, да. Ты человек, тебе любить,

Но твое дело, меня с ней разлучить.

Постой кидать свои слова.

Мол, твоя-то какая тут вина.

Я уж как-нибудь... Вы же, закроете дверь...

Уж не знаю, как она теперь.

– Ты выполняешь такую роль!

– Посылка, бандероль, -

Задрожал Истов, перед самим собой замялся,

Не выдержал, взорвался.

– К черту все! Уходи! Вон уходи!

Ушаков. Ушаков! На волю отпусти!-

Держал себя Истов. Но тут не смог.

Пал на кресло. Что-то сбило с ног.

Прогоняя вора, крича:

– Уходи! Она ждет тебя,-

Метался Истов. Сердце с вором разделил.

Не захотел он, чтоб судьбу эту загубил.

Жанео ошарашено смотрел.

– Тем ли помыслом, мой удел,-

Прошептал и вышел прочь.

Истов дрожал, было ему не в ночь.

– Уйду! Уволюсь. Ушаков, выйди вон! -

Не видя его, лишь услышав стон.

– Оставьте меня одного! Сойду с ума...

Летит с плеч, моя голова, -

Ушаков, без вопросов и без спешки,

Раз отпустил, значит, слежка.

А иначе не может тут и быть!

А иначе, каким глупцом тут нужно быть.

Ясно – понятно. Вопросов нет.

Не спрашивает у начальника совет.

За Жанео идет, смотрит.

Тот повернется, руками разводит.

Ушаков смиренно за Жанео шагает.

А кое-где, сюрприз ожидает.

***

9

День или ночь, дни прочь...

Ей все равно, без сомнений, точь-в-точь.

Уже у окна его ждет.

Пару дней, словно год.

Подружка рядом что-то болтает.

Что случилось? Она знает, ей причитает.

Много лет с ней дружит,

А у самой кавалер в армии служит.

Любит болтать, вот и болтает.

Как может, так и развлекает.

Да, переживание одно все «дразнится».

– Все будет хорошо! Все наладится,-

И уйти по делам не может,

Понимает подругу, как душу гложет.

–Так ты иди Леночка. Иди по делам.

Хочешь?! Так останься там.

Все хорошо. «Душонка» не мается, -

А та уже, гляньте, одевается.

– Я, Анечка, на часика два.

До города, и обратно я!

– Ступай, ступай. Все хорошо.

И дышится как прежде легко,-

И вот уже взглядом в окне провожает.
А та бежит и минуты не теряет.
Вдруг в дверь стук, вздрогнула душа,
Анна бежит, не зная куда...
– Кто там? – тишина в ответ.
Смотрит в глазок. Никого нет.
Силуэт появился. Ну, уж, извольте.
– Правопорядок, откройте! -
Просекло «УГРО», аж с города другого,
Мол, видели преступника Жанео здесь такого.
Приехали ищейки с соседнего города.
В поисках Жанео нашли повода.
Мол, знает она, куда делся вор.
– Так взяли его! – кричит. Не верят, мол, вздор.
Расклад о подлости имея в виду.
Как «следак» бил девчонку по лицу.

***

10

Лоли с подругой брали квартиру богатую
Вдвоем брали. Лоли за вожатую.
Золотые перстенечки, браслетики на себя одевает,
За пазухой жадность скрывает.
Шарят сейфы в квартире большой.
Шарят за шкафом, собирая пыль рукой.
– Чего стоишь? Бери, бери! – кричит Лолита.
Проверяя счета. Банки, кредиты.

Вдруг Лолита замерла, движение лишнее...

– Ты это слышишь? -

А за стенкой крик, затем голос мужской:

– Может ты, сука, не знаешь, кто он такой? -

И рев, девичий рев.

И фраза из Лолитиных слов:

– Чую менты на допросах нагнули!

Чую менты! Менты в натуре.

Надо валить, на грех такой и хозяева придут.

Что скажем им тут?

–«Здравствуйте! Мы служанки «гламур»,

Снимем денежки ваши, снимем абажур, -

Ключами воровки дверь закрывают.

Тихо выходят, жути нагоняют.

А голоса слышны за стенкой.

Как УГРО «беспределят» над студенткой.

И вот уже спускаются вниз.

Жанео навстречу идет.

– Лоли дэ Марго, вот так сюрприз!

На кого-то накапать и квартиру берет?

– Жа... Жанео, не я сдала. Клянусь, мамой клянусь, не я!

Ты в курсах, да? Что я жена мента.

Но ты знаешь мой авторитет.

Тьфу. Не одна «центровая», не конкурент.

Даю те слово! Никогда «малява»!

Да что бы я «лярва»! Да что б «шалава»!

– Вот он! – голоса сзади вдруг.
УГРО повалилось, зачуяло тут.
Уже за Жанео бегут.
И спектакль! Ушаков тут как тут.
Как говорится, вспомнишь его,
Вот, значит, и оно.
Жанео, попав в такой «беспредел»,
Лолиту только оттолкнуть успел,
Как бежать вниз. Какова мотивация?
Вроде бы отпустили!? Но тут реакция.
Каков тут еще приговор...
Не в курсе было УГРО, что уже был пойман вор.
И за Жанео всем отрядом бегут.
Воровки за ними. И Ушаков тут как тут.
И не понял Ушаков... Такого еще не бывало.
Родная Лоли револьвер на мужа направляла.

***

11

Истов внимательно просматривал дело Жанео.
И телеграмму, которую, хотел он послать.
Речь о том, что пойман на улице Варнео,
Пойман. Об этом в центр надо сказать.
Те сообщат в другие регионы «Пойман, мол, всё!»
Знал, как это может закончиться для него нехорошо.
Вспомнил беседу с вором. Вор:

«Люди сражались за не понятный укор.
И кричали им в след, так не скромно,
Что справедливость и честность нам не знакомы!
Да, по мастям, но ведь речь о том:
Мы не за «беспредел», у нас тоже есть закон».
–«Закон и «антизакон»? Противоречие взглядов?»
–«А вы только этому рады?
Вам не хватает того, что есть у нас в груди.
Дабы исполнить все сути»,-
Ностальгию Истова прервал стук в дверь,
Вернулся в реальность он теперь.
Ушаков перепуган. Вошел не как обычно.
– Поймана воровка с поличным.
– Вот так дела. Проявил ведь себя святой дух.
Что Ушаков, появился нюх?
– Основанием было, не нашла ответа.
Откуда кольца, откуда браслеты.
Вещдок. Количество – тридцать два.
– Вот так песня. Вот дела.
Ну что же, приведи на допрос.
Моя очередь задать вопрос.
Ну, вот она. Входит. Но не Лолита.
Подруга ее. А кто она узнать хотите?
Где Истов бледнел, старел, млел...
Это именно та, которую он жаждал и хотел.
Да, да. Это жена Строганова, друга его.

Чудило в комнате зло.

Только что преступника Жанео отпустил,

Любовь разрывать не было сил.

А тут та самая, от которой бессонные ночи.

Дни весною стали зимних короче...

Испуг глаз у Истова не сходил.

Молчал. Не говорил.

Она села на стульчик. Мадам в изумлении:

– Знаете, это недоразумение.

Вы же знаете мужа моего, да?-

Истов просто не мог подобрать слова

Желанием вручить это дело другому.

Свежей раной прикасаясь к дню злому.

Сыграла судьба злую шутку,

Приготовив сюрприз – прибаутку.

Деваться некуда, допрос вел.

Ушаков за слово, в основном, шел.

Раскололась Строганова. Ревела.

О деяниях своих, вроде как, жалела.

Истов с закрытыми глазами

Дело писал. Голова кругом, играл словами...

Как бы то ни было, любимую свою

Он и посадил в тюрьму.

Пытался держать себя в руках.

Тут тебе и мат. Тут тебе и шах.

Допрос есть допрос.

Как не зыбок порой «ментовской» вопрос.

Истов сходил с ума, шептал:

– Что я делаю? За что господь дал?

Это за мои грехи. Их много.

Стою теперь я у порога, -

Дадут ей срок. Такие дела.

Но подружку Лоли она не сдала.

***

12

Лишь только бы объятия подарили б те секунды...

И теперь Анна подошла к окну,

Отчаянно, видела Жанео, любила покуда

Как сердце стремилось к нему.

В побеге от УГРО ее увидел. Безумец, остановился!

Бегущий за ним удивился:

– Стоять! – мол, не шути.

– Любимый! Беги, беги! -

Кричала она. А он стоит.

Хлоп! Шагнула в окно, к милому летит.

Тот ловит внизу ее. Объятия крепки,

Но не легки шаги...

Ее отшвырнули «менты» как щенка. А то ж!

Тот кричал: – Руки прочь, не трожь!

Я вернусь, по-любому, родная!

Ты-то солнце, предвестник мая.

Я вернусь! – одно кричал.
А его уж наземь в форме бросал.
Била в грудь другому она,
Когда держал, сжимал бока.
И все это как страшный сон вспоминала она.
Стоит у окна, за окном луна.
Стук в дверь. Смотрит в глазок.
Мадам стоит какая-то, вот.

Открывая с опаской она дверь
Кочергу держит в этот раз теперь.
– Не бойтесь, девушка. Свои.
Да открывайте двери вы.
Меня Лолитой зовут.
Есть у меня к вам разговор тут.
Наслышана я, близко Жанео знали?
Наслышана я и о такой морали:
На меня бочку катит, я сдала?
Что, девочка скажешь, на эти слова.
– От.. от.. откуда мне знать? Это?
Что все ко мне пристали? Нет ответа.
Меня в девичьи слезы «мент» так нагнул.
Кричал. Щеки надул....
– Дорогая моя, вот «малява». Ты уж замолви.
А, впрочем, не надо. Наши с ним роли.
Но ты знай, мне с ним на одной веревочке.

Я никогда не предаю, такова «тусовочка».

– О чем вы говорите – теряясь в словах.

– Ты, наверное, не в курсах.

О нашей жизни «бандитской»,

Цыганской песней от закатов мчится.

Я бы сама передала, да из города уезжаю.

Не плачь. Успокойся. Ты нас не знаешь.

Не плачь. Полюбишь вора,

Разлуке снова.

Полюбишь еще раз.

Жди «шухер», жди «атас».

Ты эту маляву вложи в конверт.

Передай ему «Привет!».

Захочешь прочитать? Читай.

Не предавала его. Знай!

Моя власть кончилась тут.

Сливаюсь. Не в этой жизни мне суд.

– Это ль не вы грабители?

Чужого имущества, взять – только увидели...

– Моя верная подружка,

Моя верная Ксюшка

Срок будет мотать за двоих,

Не найти теперь «грев» у них.

Раскусили меня, – потекла тушь, -

– Раскусил меня, мой муж.

Передай «маляву», только прошу.

Дружбой с Жанео я дорожу, -
Позже Жанео на нарах, записку прочтет.

Записка эта печально его «улыбнет».

Что в ней, так ясно, по-какому

Писала она, «по-блатному».

– «Эх ты, Лоли. Дружбой дорожишь.

Интересно, подружку вытащить ты спешишь!?»-

Улыбнется Жанео, «маляве» рад.

Но не взял бы слова свои назад.

Раз уж попалась под горячую руку,

Раз сама не села, а села подруга.

Или еще из каких других инициатив.

Не точит зуб, Лоли насупротив.

И вот Лоли, отдав «маляву», к выходу идет,

В руках жемчужное колье она мнет.

За дверью уж Ушаков ожидает:

– Сука, не могу на тебя смотреть, нет слов!– тона превышает,

И ударил ей по лицу со всей дури:

– Змея сидит в твоей шкуре!

Пошли! Чего стоишь? Смотришь на меня...

– Да, сука! Да, змея! Но лишь для тебя!-

Во время криков спускаются,

Затем к машине идут, ругаются.

– И давно ты с «бандюгами» связалась?

Люди скажут: «От рук отбилась, потерялась».

– Теперь-то какая разница, Стасик, -
Уж и кричит, а он за шкирку тащит,
Позволив себе такие виды,
– Да пошел ты! – и отшвырнет кусты!
В таком настроении и не заметил, в машину забурились.
– Так вот почему и преступления не раскрылись!?
Моя жена! Моя жена! Жена!
Ложится, получается, стелится под врага!
Воры в законе. «Общак» вот «шейпинг» твой.
«Цацки», «бирюльки», «шмотки». А я тут идиот такой -
Взрывной Ушаков с ума сошел:
– Мать скажет: «Ты кого в дом привел?»-
Лоли и охнет, и ахнет: – Ты гонишь!
– Я тебя убью! Пристрелю!
– Нет, муженек. Ты меня не тронешь.
– А что, «крышуют»? Позовут братву?
Не боюсь! – тормозит на мосту,
Набрав смелости высоту.
– Ты чего, Стас! Ты чего, идиот? -
Достает револьвер и на курок.
В тот момент, как дверь открывала воровка.
Убил ее. Не промахнулся. Ловко.
Подловил Ушаков и тот момент,
Что никого рядом нет.
За голову вмиг схватился,
Но не совесть: – На подстилке бандитской женился... -

Скинет «неверную» в реку, и с душою больной
Безнаказанно поедет домой.

Нет больше Лолочки, сам ведь убил.

Нет красавицы, красоту загубил.

Не скоро найдут покойницу,

Не скоро новое дело откроется...

Ушаков матери скажет, будет так робок:

– Убита, во время бандитских разборок.

***

13

Вбегает дружище у Истова Строганов.

Вбегает. Бежит к нему. И был таков.

– Не сади! Не сади ее! Прошу!-

Падает на колени, прижимаюсь к полу.

– Ты что, сдурел? Встань! Ты чего?

Достоинство твое! Где оно?

– Не сажай ее! Жена моя воровка, да это так!

– Да, стоять и заметить, что по расчету ваш брак.

– Да, не при чем сейчас расчет,

Это совсем не в счет!

– Она совершила грабеж.

Поймана с поличным. Как тут соврешь?

Поймана. Пойми. И сейчас сидит.

Передаю в рай суд дело. Пусть он бдит,-

Казалось бы, под порывом ревности, он мог

Подальше от друга ее отправить, да не тот толк.

Любил и продолжает любить.
Себе хуже, душу губить.
– Ты с погонами тут «расседаешь»,
И придумать ничего не можешь...
– Хорошо, товарищ, тут рассуждаешь.
Из тюрьмы украсть предложишь?
– Сделай все возможное,
В нашем мире можно это... -
Вот она история той любви...
Жанео отпустил: «Ступай же ты!»
А тут, ради которого укор,
Ставит предварительный приговор.
Тем ли слезы на письмо с осмыслением,
Чужими как родными, или же сомнения...
Родные как чужие, та ли мечта?
Где важнее чужая судьба.

***

14

Ушаков сидел в своем участке и услышал
Как пойманный мелкий воришка пел песню, да в душу

«Похожая ситуация» – думал тот.
Ушаков не кричал, чтобы закрыл он рот.
– Прибыла в Одессу, банда из Амура,
В банде были урки, шулера,

Банда занималась темными делами,
И за ней следила ГубЧека.
В банде была баба, звали ее Мурка,
Сильная и смелая была,
Даже злые урки, и те боялись Мурки,
Воровскую жизнь она вела...
Ушаков шепчет: – Вокруг пальца, сука обвела.
– Но пошли провалы, начались обвалы,
Много стало наших попадать.
Как узнать скорее, кто же стал «шалявой»,
Чтобы за измену покарать...
– За измену покарать...
– Кто чего услышит, кто чего узнает,
Нам тогда не следует зевать
Нож пускай поднимет, пистолет поставит,
Пусть лежат.
– Пусть лежит.
– Раз пошли на дело, выпить захотелось.
Мы зашли в шикарный ресторан,
Там сидела Мурка в кожаной тужурке,
А из-под полы торчал наган.
Вижу в зале бара, там танцует пара,
Мурка и какой-то юный франт
Я к ней подбегаю, за руку хватаю,
Но она не хочет говорить.
И тогда малина Кольке «уркаганы»

Приказала Мурку погубить.

– Воровку мне убить.

– Слушай, в чем же дело?

Что ты не имела? Разве я тебя не одевал?

Кольца и браслеты, юбки и жакеты,

Разве я тебе не добывал?

– Но было тебе мало, кто же знал.

– В темном переулке, встретил Кольку Мурку:

«Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая!

Здравствуй, моя Мурка и прощай!

Ты «зашухерила» всю нашу малину,

И за это пулю получай!»

– Пулю ты получила, -

Вздыхал Ушаков что есть силы.

– Вдруг раздался выстрел, Мурка замоталась

И на землю рухнула она.

Больше она не встанет, «шухер» не подымет,

И о том узнает Губ Чека.

Черный ворон «крячет», мое сердце плачет и болит...

– Сердечко ноет от тоски...

– В темном переулке, где гуляют урки,

Мурка окровавлена лежит...

Мурка. Ты мой «муреночек».

Мурка. Ты мой котеночек.

Мурка. Маруся Климова.

Прости любимого,-

Ушаковым мыслями только блуждай:

– Здравствуй и прощай.

***

15

В душе у Жанео ангелы и бесы сражаются.

Как попусту часы в кутузке черпаются:

«Зачем ты тогда прошла,

Сразив собою меня наповал.

На своих белых сапожках плыла,

Взглядом давно тебя я искал.

Улыбкой в сердце и в душу

От воровской романтики сгораю,

Свою пустоту, в душонке своей я рушу,

А ныне тебя вспоминаю.

Зачем ты тогда прошла?

Единственной ты тогда стала.

Одной дорогой у вора.

И сердце мое украла.

Зачем ты тогда той весною...

Повстречал тогда я тебя.

Лишь быть, лишь быть с тобою,

Ты свет, где темной «уркиной» судьба.

И вот, срок день за днем,

Так и пройдут, пройдут года.

Нет теперь игр с огнем,

Лишь одна тишина. Тишина».

Жанео знал, что сердцем не спрятать глаз,
Именем demur de lavelas.
Черные очки, когда солнца нет.
Строгий, видный интеллигент.
Черный зонт, после дождя.
Со своей любимую шел не спеша.
Солнышко через решетку светит
Летним днем, уж и ветер...
Летней порою дождливых времен
Жанео теперь там убиен.
И другую жизнью, быть может, по сей,
Своею жизнью, жизнью своей.

***

16

Чужие слезы на родном письме
Как изменили поначалу судьбу,
Но другую историю, чел после,
Прикасаясь не к одному дню.
Как человек менял свои карты:
Был шулером, а тут «азарты»...
Был правдолюб, а стал лжец,
Было начало, а теперь уж конец.
Строганов же конец тот не учел,
С десятков адвокатов за собою вел.
Срок то сбавили, ну вот дела:

Грозит сидеть, грозит два.
А та, как узнала, что Лолиты нет,
Темен стал тот белый свет.
Помнит она до сих пор,
Как Ушаков «словил прикол».
А Ушаков женится вновь.
Найдет ведь вертухай любовь.
Приглядываться он долго будет,
Покамест дамку последнюю не зарубит.
Истов же не вынес такой давки,
Теперь что? Теперь в отставке.
Деревенскую жизнь начал, получал письмо,
мол, Строганов развелся. Всё.
Колыхнуло сердце у Истова,
Колыхнуло. Да и пошло снова.
Играла песенка не про «ёлочку», ни «казачья»,
В окружении златных запахов, «кабачья».
Жгло что-то внутри, жгло.
Что уж, тут поделать? Что?
Дружку не расскажет, как душа любила...
Тайну схоронит он в могилу.
Всё шептала у Анны подружка,
Про то, что «учёба – не игрушка!»
Та слушала, вникала в слова,
И все экзамены на «пять» сдала.
Пишет любимому: «Все хорошо».

Пишет она любовное письмо.
Помнит она: «Для вас, я Дон Корлеоне!
Вам, мадам, подошла бы корона!»
Бандероль, посылка. Подпись «Лямур».
Ждет его коса и платье из пурпура.
Ждет фигурка, девичий голосок,
Ждет его то, что сбивает с ног.

И часто у окна она стоит.
Душу гложет. Душу так тошнит.
Ведь нет наказания
Страшней ожидания...
А он пишет, мол, «Не обязана мне,
Столько лет тратить тебе».
И за свои грехи он сидит,
Не повезло. И чужие бдит.
Пока восемь. Почему? Что за истина?
Она ждет, что амнистия,
Но он закоренелый вор!
Если и им ставят приговор!?
То смотрите уж вы сами,
Чем измерить, эти грани.
И вот уже два года ждет.
Девочка! Так и молодость пройдет!
А она не смотрит на прохожих.
По аллее. Но дрогнет сердце на похожих.

И живет хорошо, не обидеть.

И живет для того, что бы еще раз его увидеть.